

© 2017 г. Б.Н. ФЛОРЯ

СОБЫТИЯ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ XV–XVI ВЕКОВ

В статье показано, как представления древнерусских книжников о развитии мировой истории влияли на их сообщения о событиях истории поздней Византии и о причинах ее гибели.

The article explores how the views of Old-Russian scholars on the development of world history were influencing their interpretations of events from the late Byzantine history and the causes of its fall.

Ключевые слова: Россия, Византия, латинский мир.

Keywords: Russia, Byzantine, Latin world.

Даже беглое обращение к древнерусскому летописанию показывает, что события византийской истории далеко не часто находили свое отражение на страницах летописей. Многие очень значительные события в них совсем не фиксировались.

Положение дел изменилось, когда «Греческое царство», традиционно воспринимавшееся как главный центр христианского мира, погибло под натиском османов и Русское государство осталось единственной самостоятельной православной державой, на которую тем самым падала ответственность за судьбы христианского мира.

Неудивительно, что, хотя и не сразу, у составителей древнерусских сводов стал усиливаться интерес к событиям поздневизантийской истории, приведшим к гибели «Греческого царства» и выдвигению России на арену мировой истории.

Событием византийской истории, привлечшим к себе серьезное внимание в Древней Руси, стало взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. В Синодальном списке Новгородской I летописи была помещена целая повесть очевидца — наблюдателя событий. Написанная в то время, когда острое противостояние православного и латинского миров только зарождалось, это произведение остро осуждало «фрягов» — итальянцев за грабежи и насилия в Константинополе, но эти отрицательные эмоции не распространялись на лиц, стоявших во главе латинского мира — «цесаря немецкого» и папу. Направляя «фрязей» помочь законному претенденту занять византийский трон, они их наставляли: «Пакости не дейте Греческой земли», но те действовали «цесарева веленья забыша и папина». Главная тема повести — описание внутренних конфликтов в византийском обществе, из-за которых Константинополь оказался беззащитным перед лицом крестоносцев: греческое царство погибло в «сваде цесарев» [1. С. 46–49].

Флоря Борис Николаевич — чл.- корр., заведующий отделом Института славяноведения РАН.

Характерно, что в других современных источниках это событие не отразилось. О нем не упоминается, например, в Лаврентьевской летописи. Другое важное событие византийской истории — освобождение Константинополя от власти латинян вообще не нашло никакого отражения в древнерусских летописях.

Говоря о событиях 1204 г., последующие древнерусские летописи долго воспроизводили без каких-либо изменений текст новгородской повести: не только Новгородская летопись младшего извода, но также Софийская I и Московский свод 1479 г. [2. Т. 6. Вып. 1. С. 253–259; Т. 25. С. 101 и сл.; 1. С. 241 и сл.]. Любопытно, что в Новгородской IV летописи эта новгородская повесть была заменена краткой записью: «Взяша латыня Царьград, Греци иссекоша, а царя своего поставиша [...] своими епископы» [2. Т. 4. Вып. 1. С. 180]. При всей краткости записи здесь подчеркивается, что латиняне принесли в Константинополь свою веру.

Сохранился еще один краткий рассказ об этом событии, нашедший отражение в таких источниках второй половины XV в., как новгородская «Летопись Авраамки» и московская Симеоновская летопись и Типографская летопись [2. Т. 16. С. 47; Т. 18. С. 39; Т. 24. С. 85]. Здесь отмечается, что к Царьграду приходили «Немци, и Венедици, и Фрязи», они «много зла створиша греком» и в Константинополе «веру свою уставиша». Если в новгородской повести говорилось только о «фрягах», то в этой записи речь идет о нападении на Константинополь всего западного мира и подчеркнуто, что захватчики утвердили там «свою веру». Такая запись появилась, как представляется, в условиях обострения конфессиональных противоречий в XV столетии.

Событие это закономерно привлекло к себе внимание, когда в раннем XVI в. на русской почве стали создаваться «хронографы» — повествования о всемирной истории, включавшие обширный материал и по истории Византии. Для раннего XVI в. главным историческим материалом о событиях раннего XIII в. послужили южнославянские исторические сочинения, описывавшие становление Сербского и восстановление Болгарского государства. Под влиянием чтения таких сочинений составитель писавшегося в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1516–1522 гг. Хронографа¹ искал причины падения Царьграда в отношениях императора с южнославянскими правителями. Как было записано в Хронографе, когда крестоносцы пришли к Царьграду, император Федор Ласкарь «не возмогшу стати против их, занеже имяше иного сопостата, Болгарского царя» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 391–392]. Это сообщение, совсем не соответствовавшее историческим фактам (Федор Ласкарь стал императором уже после падения Константинополя), было, по-видимому, плодом самостоятельных размышлений составителя Хронографа ред. 1512 г.

Обращает на себя внимание, что при создании Хронографа западнорусской редакции в 30-х годах XVI в. (его протограф, по наблюдениям Б. М. Клосса, создавался в той же среде, где писалась и Никоновская летопись, т.е. в кругах, связанных с митрополичьей кафедрой [3. С. 170–173]) текст о событиях 1204 г. был серьезно изменен. Если в Хронографе ред. 1512 г. вслед за новгородской повестью говорилось, что латиняне увезли на Запад реликвии и мощи святых, то в «западнорусском» хронографе с ударением подчеркивалось, что после завоевания «ничто же называшеся в Цареграде Греческое, но вся Римская именовалася», «и быша вся во Цареграде по Римскому обычаю» [2. Т. 22. Ч. 2. С. 180–181]. Ясно показывалось, что латиняне стремились утвердить в Константинополе

¹ О времени и месте создания так называемого Хронографа ред. 1512 г. см. [3. С. 158 и сл.].

свою веру. Можно отметить и другую особенность текста. Если в других текстах греки фигурировали как люди, подвергавшиеся насилиям со стороны крестоносцев, то в этом Хронографе с осуждением отмечалось, что «мнози греци в их обычай и закон внидоша». Так оказывалось, что греки уже в начале XIII в. обнаружили нестойкость в вере, неспособность противостоять латинянам. На рубеже 1520–1530-х годов этот рассказ был воспроизведен в тексте 1-й ред. Никоновской летописи [2. Т. 10. С. 37].

Включение такого рассказа в текст этого свода не было случайным. Он должен был, как будет ясно из дальнейшего, подготовить читателя к восприятию летописного рассказа о событиях, связанных с созывом Ферраро-Флорентийского собора и принятием на нем решения о соединении церквей. Развернутая оценка этих событий, как известно, появилась в древнерусском летописании далеко не сразу.

В своде 70-х годов XV в. — общем источнике Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей — читались достаточно краткие записи. Здесь говорилось о желании митрополита Исидора ехать в Рим «на осмой собор», и что он отправился в путь, «не послушав» великого князя. В другой записи говорилось о приезде в Москву Исидора, его аресте и бегстве. О том, что происходило на самом деле, можно было узнать лишь из слов Исидора: «Соединили есмы на сем восточная церкве с западными» [2. Т. 26. С. 192, 194; Т. 27. С. 106, 107]. В новгородском летописании, в Новгородской IV летописи и «Летописи Авраамки» также читались краткие записи, где о Флорентийском соборе по существу не сообщалось ничего, говорилось о путешествии Исидора на запад, его возвращении и аресте [2. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 437; Т. 16. С. 182–183]. Такие же краткие записи читались в Сокращенных сводах 90-х годов XV в. [2. Т. 27. С. 271, 272, 346, 348].

Но в текст московского свода 1479 г. был включен обширный рассказ о Флорентийском соборе, основанный на «повести» Симеона Суздальца [2. Т. 25. С. 253–260]. В изложении были сохранены основные особенности источника: обвинения царя и патриарха, что они «в прелести латыньских ересей впадоша», «в сети злата увязнувшие», и прославление Василия II, сохранившего православие в своей земле, как «великого царя всеа Руси». Правда, в тексте выражалось восхищение выступлениями на соборе такого противника унии церквей, как Марк Эфесский, говорилось о других противниках унии среди греков, но главная интонация рассказа, как и в его главном источнике — «Повести» Симеона, состояла в осуждении отступничества греков² и их противопоставлению жителям Русской земли и ее главе — «царю всеа Руси» Василию II.

Все это соответствовало тезису, изложенному еще в послании митрополита Ионы, а затем приобретшему четкую форму в посланиях Филофея — «Греческое царство» отступило от веры и поэтому погибло [4. С. 100, 227–228].

В летописных сводах первых десятилетий XVI в. этот рассказ повторялся, пополняясь новыми материалами. Так, был дополнен рядом документов рассказ о Флорентийском соборе, читавшийся в своде 1518 г. — общем источнике Софийской II и Львовской летописей. В рассказе было помещено и изложение решений Флорентийского собора [2. Т. 6. С. 156 и сл.; Т. 20. С. 247–248], что, как представляется, должно было показать читателю, что соответствующее соглашение было заключено. Показателен комментарий к такому

² Греки «пришедшее вси к папе челом удариша по фрязскому праву и благословишася у него [...] и разидошася, тмою неверия покрышася» [2. Т. 25. С. 253–260].

включенному в повествование документу, как послание Василия II в Константинополь, в котором говорилось об осуждении в Москве сторонника унии митрополита Исидора. После изложения послания в летописном тексте читалось: «Прииде весть, яко царь отиде в Рим на царство и ста в Латинскую веру». После этого Василий II предложил епископам самим избрать митрополита, и был избран Иона [2. Т. 6. С. 167; Т. 20. С. 254]. Так, в источнике, созданном в среде священников кремлевских соборов [5. С. 309–310], четко постулировалась связь между автокефалией Русской церкви и отступничеством «Греческого царства».

Антигреческая тема получила развитие в ином направлении в тексте повествования о Флорентийском соборе Никоновской летописи. Здесь также было помещено изложение решений собора, свидетельствующее о том, что уния была заключена. Вместе с тем, если в своде 1518 г. внимание сосредоточивалось на особе царя и патриарха, то составители Никоновской летописи возлагали ответственность за происшедшее на гораздо более широкий круг людей. Так, в летописи отмечалось, что, желая достичь своих целей, латиняне давали «злато и сребро» как епископам, так и «философом их и всем греком» [2. Т. 12. С. 35]. Этот перечень не был случайным, так как далее читается, что папа Евгений отмечал окончание собора («ликоствова») не только с духовными лицами («со всеми митрополиты и епископы греческими и с иноки»), но и «с философы, и со князи и бояры и со всеми греки» [2. Т. 12. С. 36]. Ответственность за происшедшее падала, таким образом, на все греческое общество, и на духовную, и на светскую его часть.

Как известно, так называемый Хронограф ред 1512 г., создававшийся в среде, близкой к инициатору Никоновского свода — митрополиту Даниилу, был одним из важных источников первой редакции Никоновского свода. В нем читается характеристика событий, резко отличная от той антигреческой линии, которая получила отражение в рассмотренных выше текстах. Рассказ начинается с сообщения, что император Иоанн VIII направился в Рим, чтобы «обратити латын в православную веру и соединити церковь за едино стояти на турки». Таким образом, намерения императора были самыми наилучшими. Осуществить их, однако, не удалось, так как латиняне не захотели соединения на равноправных условиях и потребовали у греков полного подчинения («вам достоит нам покоритися и наша восприяти»). В итоге «мнози от православных, супротив глаголавшее, отоидоша, неции же прельстишася» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 429–430]. Рассказ этот затем был повторен в Хронографе западно-русской редакции, где прямо отмечалось, что участники «ничтоже успевше, разидошася» [2. Т. 22. Ч. 2. С. 199–200]. Таким образом, согласно этой версии, большая часть православных не согласилась на предложения латинян и никакого соединения церквей не произошло.

Есть основания полагать, что рассказ Хронографа был известен составителям Никоновского свода, но был ими отвергнут. С чем же следует связывать появление разногласий в оценке событий, происходивших во Флоренции. Как представляется, следует иметь в виду два важных обстоятельства. Православные церкви Ближнего Востока в конце концов не приняли Флорентийской унии. Следовало ли в этих условиях продолжать обличать греческое общество, осложняя контакты с ним?

Во-вторых, следует принять во внимание, что на 1518 г. приходится возобновление после длительного перерыва официальных церковных контактов между Москвой и Константинополем, когда в Москву прибыл митрополит Григорий,

посол константинопольского патриарха Феолипта, а с ним монахи ряда монастырей Святой Горы. В своей грамоте от июля 1516 г. патриарх обращался к московскому митрополиту Варлааму, как «о святем душе возлюбленному брату нашего смирения и съслужебнику», что означало фактическое признание русской автокефалии. В грамоте Варлааму Василий II был назван «царем и великим кралем [...] Великия Руси»³.

Важно отметить, что в летописных текстах этого времени подчеркивалось самое внимательное отношение высшей светской и церковной русской власти к греческим послам. Так, Василий III послов «прият с великою честью», а митрополит Варлаам беседовал с ними «о божественных словесех духовных» [2. Т. 13. С. 28; Т. 20. С. 393–394]⁴.

В этой ситуации при описании событий, связанных с Флорентийским собором, и возникли колебания, следовать ли установившейся к этому времени традиции или, наоборот, отвергать сам факт того, что во Флоренции было заключено соглашение о соединении церквей.

Наметившаяся дилемма получила позднее свое разрешение в тексте «Степенной книги». Здесь отмечается, что соглашение о соединении церквей встретило сильную оппозицию среди православных. Против унии выступил не только Марк Эфесский, но и много митрополитов и епископов, «числом же до штидесяти, поборающих по благочестии». Соглашение было заключено, когда одни были подкуплены, а многие другие заключены в тюрьмы, где их «оковы облагаху и голодом томяху». Некоторые из них там и умерли, а другие «неволею подписашася» [7. С. 195]. Таким образом, соглашение было заключено с помощью неприкрытого насилия. В последующем тексте говорилось, что папа отправил в Константинополь своего патриарха, но его «верные люди от царствующего града отгнаша, и бысть поставлен в Цариграде патриарх православен», перед которым публично каялись люди, подписавшие решения Флорентийского собора [7. С. 195]. Такую яркую картину создатели «Степенной книги» нарисовали, сопоставив сведения послания Василия II 1452 г. об отсутствии в Константинополе патриарха [8. С. 91] и сведения «Повести» Нестора Искандера (об этом источнике речь пойдет ниже) о присутствии в городе в момент падения православного патриарха Анастасия.

Вопрос о судьбе Флорентийской унии в Византии был таким образом решен, но появилась необходимость объяснить читателю: если греки не отступили от своей веры, почему же пал Константинополь? Подробный рассказ об этом событии появился в древнерусском летописании также далеко не сразу. В последних памятниках новгородского летописания («Летопись Авраамки», Строевский список Новгородской IV летописи) читается краткая запись «взяша турци Царьград, и хрестьянство погубиша, и святыя церкви разориша» [2. Т. 16. С. 194; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 445]. В великокняжеском своде 70-х годов XV в. — общем источнике Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей читалась еще более краткая запись (под 1452 г.): «взят бысть Царьград от безбожных турков» [2. Т. 26. С. 212; Т. 27. С. 118]. Самая краткая запись о взятии Константинополя читалась затем в Московском своде 1479 г. [2. Т. 25. С. 272], в сокращенных сводах 90-х годов, в Симеоновской летописи [2. Т. 18. С. 208; Т. 27. С. 274, 348]. В ростовском владычном своде, дошедшем в составе Типографской летописи, также читается достаточно краткая запись:

³ Текст грамоты Феолипта см. [6. С. 339]. О визите и его значении см. [4. С. 214–215].

⁴ Митрополит Варлаам «велику честь и любовь показаше» [2. Т. 6. С. 261].

султан «взял Царьград и царя уби и веру свою бесерменскую устави в нем», а Св. Софию превратил в мечеть [2. Т. 24. С. 184]. Запись эта, вероятно, воспринималась читателем в сопоставлении с другой записью из рассказа о «стоянии на Угре» 1480 г., где перечислялись захваченные османами земли: «Българе и Скърби(!), и Греци, и Трапизон, и Аморея, и Арбанасы, и Хърваты, и Босна», они «погибоша и отечество изгубиша» [2. Т. 24. С. 201–202].

Своеобразным контрастом к этим свидетельствам о катастрофе служит сообщение тверской летописи: султан «веры рускиа не преставил, патриарха не свел, но один в граде звон отнял» [2. Т. 15. Стб. 495]. В ряду этих текстов может быть помещен и рассказ общего источника Софийской II и Львовской летописей, читавшийся либо в своде конца XV в., писавшемся в среде кремлевского духовенства, либо в более поздней компиляции – своде 1518 г. Здесь говорится о падении Царьграда из-за предательства императорского наместника, а затем последовало разорение христианских храмов и истребление людей [2. Т. 6. С. 180; Т. 20. С. 262].

Все эти рассказы не опирались на какие-либо письменные источники, а передавали какие-то устные рассказы о событиях. Все эти записи объединяет не только отсутствие какого-либо описания события, внимание обращено лишь на его важнейшие последствия, но и отсутствие каких-либо объяснений происшедшего, в том числе и в памятниках великокняжеского летописания.

Положение изменилось с созданием древнерусских Хронографов, где гибель «Греческого царства» должна была занять важное место. Составитель так называемого русского Хронографа ред. 1512 г., завершая свое повествование сообщением о взятии Царьграда, как важнейшем событии мировой истории, не располагал какими-либо описаниями падения города и поместил в заключительной 208 главе повествования «Плач» о гибели Царьграда, написанный, как показал Б. М. Клосс, самим составителем Хронографа [8. С. 244–245]. Рисуя страшную картину гибели «великого» града и «великого» царства: «царство благочестивое – темное и беззаконное царство сотворяют» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 438], он говорит о падении Царьграда как страшном примере Божьего гнева, упавшем на царствующий град, так как в нем «согрешиша от главы до ногу» и «ничим же иным не может очистится таковый грех, точию огнем» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 438–439]. Однако о каких «грехах» идет речь, из текста узнать было нельзя. Описывая страшную катастрофу мирового значения, автор одновременно подавал читателю надежду. Бог сохранил под властью неверных христианские храмы – «яко искру скры в пепеле» и когда-нибудь после истинного покаяния грешников Бог эту искру «возжет зело и попатит Измаилт злочестивых царства якоже терние» «и паки возставит благочестие и царя православна» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 439]. Можно было бы рассматривать данный текст как пророчество о восстановлении Византийской империи, чему противоречит следующий за этими словами текст. Здесь говорится, что турки многие царства «покориша под свою власть, наша же Росиская земля [...] растет и младеет и возвышается», и составитель Хронографа выражает желание, чтобы Бог позволил так и продолжаться «до скончания века» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 439–440]. Очевидно, составитель Хронографа был близок к взглядам Филофея, что Россия останется центром христианского мира до конца мировой истории. Ей и предстояло восстановить господство православной веры в Царьграде (ср. [4. С. 189–192]).

По-видимому, уже после того как работа над Хронографом была завершена, его составители получили доступ к Повести Нестора Искандера,

содержавшей подробный рассказ об обороне Царьграда и его падении. Текстом Повести был продолжен рассказ Хронографа после 208 главы. В основу рассказа, как справедливо полагал М. Н. Сперанский, легли, вероятно, записки свидетеля и участника событий Нестора Искандера, имевшего возможность воссоздать события, происходившие на обеих сторонах. Затем эти записки попали в руки талантливого древнерусского книжника, создавшего, используя данный материал, яркое художественное произведение, близкое древнерусским воинским повестям [9. С. 139–143, 148]. Это произведение уже существовало на рубеже XV–XVI вв. [10].

Как и следовало ожидать, падение Константинополя рассматривается в Повести как проявление Божьего гнева, вызванного «неисчетными согрешениями и безакониями». Упоминаются междоусобные брани, от которых «оскудеша силнии и обнищаша людие и преуничтожися град» [11. С. 32].

Эти суждения, однако, мало влияют на тональность повествования. Защитники Константинополя выступали во главе с императором Константином XI – главным героем повествования как смелые, мужественные воины, которые храбро дают отпор огромной османской армии. Они погибли потому, что их было мало и они ни от кого не получили помощи.

Сопоставляя сообщения «Повести» со свидетельствами других источников, М. Н. Сперанский пришел к обоснованному выводу о достоверности сведений этого источника [9. С. 165]. В этой связи привлекает к себе внимание одна особенность повествования. В нем рядом с императором выступает патриарх, неоднократно совершающий моления вместе со всем духовенством в храме Св. Софии. Указывается и его имя – Анастасий [11. С. 32, 50, 52, 54, 60]. Между тем патриарх Григорий Мамма, сторонник унии церквей, покинул город еще в 1451 г. и другого патриарха там не было. Более того, в Константинополе находился как папский легат бывший киевский митрополит Исидор, под давлением которого 12 декабря 1452 г. в соборе Св. Софии были публично подтверждены решения Флорентийского собора [12. С. 179].

Остается неясным, кто дал такую характеристику церковной жизни в осажденном Царьграде, сам Нестор Искандер, заинтересованный в прославлении своего героя – Константина XI, или обрабатывавший его записки древнерусский книжник. Повесть Нестора Искандера была явно признана в России наиболее авторитетным свидетельством о падении Царьграда. Ее тексты легли в основу рассказов об этом событии и в Хронографе, и в древнерусских летописных сводах, таких, как Никоновская и Воскресенская летописи. Текст Повести был при этом сокращен в связи со стремлением придать ему характер документального повествования, но общая тональность повествования при этом не изменилась [9. С. 152 и сл.; 13. С. 173 и сл.].

Следует отметить еще одну особенность Повести, важную для древнерусского читателя. Уже в самом начале повествования говорится о том, что «паки христьянство одолеет бесерменство» и Константинополь будет освобожден [11. С. 28]. Более подробно и с большей эмоциональной силой об этом говорится в концовке произведения. Здесь говорится, что если сейчас над царствующим градом исполнились первые пророчества Льва Премудрого и Мефодия Патарского, то и «последняя не преидут». «Русий же род [...] всего Измаилтя победят и Седмохолмаго примут [...] и в нем воцарятся» [11. С. 68]. Предсказания о будущем освобождении неким «русым родом» – устойчивая традиция византийской письменности, начиная с X в. Этот «русый род» не отождествлялся с «русскими» [13. С. 179], но на русской почве наметилось переосмысление. Не случайно

приведенный выше текст был продолжен в «Повести» словами: «и судръжат Седмахолмаго русы».

Неудивительно, что при имевших место сокращениях эта часть текста сохранилась и при передаче ее в Хронографе — «русый род» превратился в «Руский род» [2. Т. 22. Ч. 1. С. 460].

Благодаря авторитетному свидетельству Повести Нестора Искандера вопрос об отступлении жителей Царьграда от веры и гибели Византийской империи в свете этого события не стал магистральной темой древнерусских исторических сочинений, хотя сторонники такой точки зрения (вроде псковского старца Филофея) в древнерусском обществе продолжали существовать. Показательны в этом плане уже цитировавшиеся выше размышления автора «Плача», что Бог укрыл в храмах Греческой земли истинную веру, как искру в пепле. Очевидно, что у писавшего этот текст составителя Хронографа не было сомнений в истинности веры греков.

Но в этих условиях возникал и приобретал постепенно остроту вопрос, какие же поступки византийцев вызвали такой страшный Божий гнев. Повесть Нестора Искандера отвечала на этот вопрос в самых общих словах. Это, по-видимому, удовлетворило создателей Хронографа, но не удовлетворило митрополита Даниила при работе над текстом Никоновской летописи. В его летописном своде была воспроизведена Повесть Нестора Искандера в ее хронографической редакции, но вслед за ней помещен другой текст — «Повесть вкратце» о взятии Константинополя. Как установил Б. М. Клосс, «Повесть» по следам событий написал Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II), а перевел ее с латыни в начале 20-х годов XVI в. Максим Грек [14]. Возникает вопрос, что побудило митрополита Даниила и книжников его круга обратиться к этому тексту, который никак существенно не дополнял сообщение Нестора Искандера об осаде и взятии города. Как представляется, дело было в том, что в этом тексте подробно перечислялись грехи, навлекшие на Константинополь Божий гнев. Здесь перечисляются: сребролюбие, «вражда и ненависть друг на друга», клевета, зависть, гордость, «законопреступление» и «священная им ни во что же быша». В другом месте фигурировали «несмирительные гордости», лукавства, «насилования друг на друга» [2. Т. 12. С. 99]. Этот текст, таким образом, давал развернутое объяснение падению Царствующего града. Стоит отметить концовку рассказа, воспроизведенную в Никоновской летописи. Здесь говорится, что Исидор, к тому времени уже кардинал, при взятии города попал в плен, но сумел выкупиться за 300 серебряников, так как его не узнали [2. Т. 12. С. 100]. Хотя Исидор был фигурой, хорошо известной древнерусским летописцам, сам факт его пребывания в Константинополе во время осады города не привлек к себе внимания и не вызвал критических замечаний по адресу греков.

С этого времени общепризнанным стало, что падение Константинополя — результат пороков общественной жизни поздней Византии. Тема в результате стала приобретать особое звучание. Русское государство, которому предстоит в финале мировой истории исполнить ту миссию, которую не смогла исполнить Византия, должно избежать тех пороков, которые погубили Византийскую империю. Отсюда — самое живое обсуждение в памятниках середины XVI в. вопроса о том, какие именно пороки погубили Византию и что нужно сделать в России, чтобы ее не постигла такая же участь. В обсуждении этой темы участвовали и Иван Пересветов, и Зиновий Отенский, и сам царь Иван IV. Но это уже тема особого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
2. Полное собрание русских летописей. СПб., 1848. Т. 4. Вып. 1; 1853. Т. 6. Вып. 1; 1855. Т. 10; 1863. Т. 15; 1889. Т. 16; 1901. Т. 12; 1904. Т. 13; 1910. Т. 20; 1911. Т. 22. Ч. 1; 1913. Т. 18; Пг., 1914. Т. 22. Ч. 2; 1921. Т. 24; Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; М.; Л., 1949. Т. 25; 1959. Т. 26; М., 1962. Т. 27.
3. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
4. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
5. *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.
6. Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1.
7. Книга степенная царского родословия. М., 2008. Т. II.
8. *Клосс Б. М.* О времени создания русского хронографа // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1971. Т. 26.
9. *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10.
10. *Азбелев С. Н.* К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками / Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17.
11. Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. Вторая половина XV в.
12. Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27.
13. *Скрипиль М. О.* «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера / Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10.
14. *Клосс Б. М.* Максим Грек – переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975.